

Восхождение неустрашимого эмпира

Саймон Уилсон берет интервью у **Беатрис Ведер ди Мауро**

ВТЕЧЕНИЕ первого 41 года существования Sachverständigenrat (Совета экономических экспертов Германии) его называли в народе «пять мудрых мужей». Если это прозвище было завуалированным вызовом женщинам-экономисткам страны попытаться вступить на территорию, которая раньше была уделом только мужчин, то совету пошел пятый десяток, прежде чем кто-то принял этому вызов. В июне 2004 года членом совета впервые была назначена женщина, Беатрис Ведер ди Мауро. «Мои друзья говорят, что теперь нас следует называть «пять мудрых людей», — говорит Ведер ди Мауро.

Барьеры по половому признаку — не единственное препятствие, которое пришлось преодолеть Ведер ди Мауро, когда она стала членом группы, консультирующей правительство и парламент Германии по вопросам экономической политики. Уроженка Базеля (Швейцария) Ведер ди Мауро также стала первым членом совета, родившимся за рубежом, и одним из самых молодых за все времена (ей тогда было 38 лет). Неудивительно, что создав такие прецеденты, она теперь является одним из самых известных экономистов в третьей по размеру экономике мира.

Сегодня «пять мудрых людей» находятся на передовом рубеже макроэкономических реформ, которые могут превратить зону евро в нового лидера мировой экономики. Поскольку экономический консультативный совет Германии пользуется значительно более широкой известностью у общественности, чем любые аналогичные институты, такие как Совет экономических советников США, работа Ведер ди Мауро в совете началась под пристальным вниманием прессы. Однако глянец вскоре сошел, по мере того как совет про-

водил исследования и представлял рекомендации по ряду радикальных реформ бюджетной сферы и рынка труда. Тот «звездный» статус, который Ведер ди Мауро, возможно, первоначально придала столь технократической структуре, как экономический консультативный совет Германии, теперь стал частью собственного солидного образа этого органа.

Ведер ди Мауро известна своей прямотой и настойчивостью в выяснении истины и проведении исследований; она пришла в совет Германии, имея репутацию первооткрывателя в изучении роли банков в передаче воздействий на финансовых рынках. Кроме того, она исследовала последствия коррупции для развивающихся стран, прямо употребляя этот термин в те времена, когда это явление обычно именовалось эвфемизмом «проблемы управления». Она также обогатила совет Германии глубоким пониманием оптимальных путей распространения полученных выводов и результатов. Это важное преимущество для решительно независимого совета, который отчасти использует средства массовой информации для передачи своих выводов и рекомендаций.

Притягательность экспертных советов

Ранним исследованиям Ведер ди Мауро был присущ комплексный подход, независимо от масштаба проекта: изучение мировых тем требовало сбора данных по всему миру. Грегори Кисунко, один из ведущих специалистов по вопросам государственного сектора во Всемирном банке, работал с Ведер ди Мауро над проводившимся в 1996–1997 годах мировым обследованием представлений о связях между политической неопределенностью, инвестициями и ростом. В своих воспоминаниях он рисует образ одержимого, целеустремленного

эмпирика, которого не смущали пустяковые оговорки, такие как «данные отсутствуют».

«Это был первый и самый крупномасштабный проект сбора необработанных данных по теме институциональной неопределенности, и она очень активно выступала за максимально широкий охват стран, — вспоминает Кисунко. — Сбор данных представлял собой героический труд, поскольку он требовал организованного сбора информации более чем в 70 странах. Новизна и масштабность ее идей будоражили воображение ее коллег и заряжали их энергией. У каждого из нас были свои идеи, но она всегда была одним из лидеров».

Необычен тот факт, что работа Ведер ди Мауро в консультативном совете Германии — это уже второй случай, когда она играет такую роль в крупной европейской экономике. Она была назначена членом швейцарской *Kommision für Konjunkturfragen*, экономического консультативного совета при правительстве Швейцарии, в 2002 году и занимала эту должность в течение двух лет. Что же настолько заинтересовало ее в деятельности национальных экономических консультативных советов, что после работы в одном совете она сразу пришла в другой? «Чрезвычайно интересно заниматься работой, существенной для формирования политики страны, не отрываясь при этом от академической сферы, — говорит Ведер ди Мауро. — Однако это бывает непросто, поскольку очень часто то, что важно для политики, не представляет интереса для научных исследований, и наоборот».

Консультативный совет Германии униканен, утверждает Ведер ди Мауро, потому что он независим (см. вставку 1). Члены совета назначаются правительством, но срок их полномочий составляет пять лет, что преднамеренно не совпадает с четырехлетним циклом выборов. По мнению Ведер ди Мауро, Совет обладает двумя основными каналами влияния. Одним из них является общественное мнение, поскольку совет входит в число учреждений, мнения которого цитируются средствами массовой информации при любых изменениях в экономике. Другим каналом является прямой доступ к правительству. «Часто спрашивают, считаю ли я, что наши рекомендации незамедлительно выполняются, — замечает Ведер ди Мауро. — Не думаю, что только так можно оценить влияние Совета. Очень часто важнее долгосрочное влияние, которое мы оказываем в определенном направлении».

Вместе с тем, многие годы в экономическом сообществе высказываются мнения, что Совет имеет лишь ограниченное влияние. Чарльз Робертс писал в журнале *Cambridge Journal of Economics* в 1979 году (и это справедливо по сей день), что поскольку доклады совета «публикуются только на немецком языке, они мало известны и мало обсуждаются за пределами немецкоязычных стран». Ведер ди Мауро говорит, что доклады Совета в основном выпускаются на немецком языке (хотя их резюме публикуются на английском языке), так как они адресованы правительству и общественности Германии.

Противостояния, самолюбие и обиды

Тесные связи совета с прессой наглядно проявились в 2005 году, когда СМИ Германии с упоением публиковали колоритные сообщения о чувствительном самомнении и междуусобицах в «высокооктановом» составе совета. Члены совета даже использовали статьи в газетах и интервью для взаимных нападок, что породило сомнения в их способности работать в одной команде. Журнал *The Economist* писал, что рынок для экономистов в Германии «разваливается» и рекомендовал заменить систему экспертов, назначаемых на фиксированный срок, новыми советами из экономических советников, назначаемыми каждым вновь сформированным правительством. При таком вари-

анте советники будут более заинтересованы в том, чтобы их рекомендации выполнялись. В итоге надвигавшаяся угроза кризиса общественного мнения была устранена, и Совету, повидимому, удалось сохранить свой имидж.

«Репутация Совета в Германии чрезвычайно высока, — утверждает Ведер ди Мауро. — Люди на самом деле спрашивают, прислушиваются ли к нам политики. Конечно, они не могут нас игнорировать, ведь мы, как правило, ставим правительство в неудобное положение. Совет обычно выступает с критикой правительства — вот почему других таких советов не существует. Какое правительство захочет создать что-то подобное?»

И вправду, какое? Особенно такое, как правительство Германии, которое в период 2002–2006 годов имело более высокий бюджетный дефицит, чем допускали правила ЕС. Отступление Германии от фискальных ориентиров было вызвано прогрессирующим «недомоганием» экономики, проявлявшимся в замедлении экономического роста и повышении уровня безработицы, которое снискало стране незавидное прозвище «больной человек Европы». Нарушение Германией бюджетных правил ЕС в начале 2000 годов было особенно досадным для сторонников традиционных экономических принципов в стране из-за того, что эти правила ЕС были основаны на приверженности самой Германии соблюдению бюджетных устоев, как предусматривал ее Закон об обеспечении стабильности и роста 1967 года. Основные элементы бюджетных правил ЕС, изложенные в Мaaстрихтском договоре 1992 года, были либерализованы в 2005 году.

«Существующие в Германии правила оставляют огромные лазейки, которыми то и дело пользуются политики», — говорит Ведер ди Мауро. В прошлом году совет Германии подготовил доклад «с предложениями о том, как следует изменить всю конституционную структуру, призванную ограничить уровень государственного долга в Германии». Ди Мауро по-

Вставка 1

Информированные оценки — согласно распоряжению

Sachverständigenrat был учрежден в 1963 году, и в его программном заявлении говорится, что его задача состоит в «периодической оценке общей экономической ситуации в Федеративной Республике Германии и содействии лицам, определяющим экономическую политику на всех уровнях, и широкой общественности в информированной оценке экономических вопросов».

Согласно закону о его учреждении, совет обязан подготавливать годовой доклад с описанием «текущей экономической ситуации и ее изменений в обозримом будущем. Совет изучает возможности для одновременного обеспечения, в рамках свободной рыночной экономики, стабильного уровня цен, высокой занятости и равновесия во внешней торговле и платежах, наряду с устойчивыми и достаточно высокими темпами экономического роста. Круг изучаемых вопросов включает также формирование и распределение дохода и собственности».

В своем последнем годовом докладе, опубликованном в ноябре 2007 года под названием «Не допустить разбазаривания достигнутого», Совет признает, что директивные органы внесли вклад в экономический подъем Германии, отчасти благодаря началу широких реформ налогообложения, рынка труда и системы социального обеспечения.

Однако в докладе также отмечается, что позитивные экономические тенденции, в свою очередь, открывают более широкие возможности перед директивными органами. «Главная задача теперь в том, чтобы не упустить шанс, который дают нам эти возросшие возможности для проведения политики, а активно использовать его... Отрадно, что расширилось финансовое пространство для маневра директивных органов, но в то же время досадно, что целый ряд мер, которые рассматривались или принимались в недавнем прошлом, не отражают какой-либо четкой экономической стратегии; вместо этого в них проглядывает тактика предвыборной борьбы».

лагает, что неспособность Германии сдержать рост дефицита, превысившего маастрихтские критерии, была обусловлена общим спадом интереса к бюджетной дисциплине и ее ослаблением. Тот же либеральный подход сделал возможным упомянутый пересмотр правил. «Однако сейчас есть шансы провести бюджетную реформу в Германии, поскольку в настоящее время федеральная комиссия рассматривает правила бюджетной дисциплины как для федерального правительства, так и для земель».

Сделано в Швейцарии

В докладе консультативного совета предлагаются строгие меры, призванные обеспечить выполнение исходного требования Маастрихтского договора о том, что национальный бюджетный дефицит должен быть ниже 3 процентов ВВП и что любые колебания его уровня должны соответствовать экономическому циклу. Как бы в подтверждение пользы иностранного опыта в обсуждениях Совета одно из ключевых нововведений в этом предложении Совета содержит элемент бюджетной политики, впервые использованный в Швейцарии.

«Наше предложение содержит элемент, который мы взяли из опыта Швейцарии; он устанавливает более строгие требования по сравнению с Маастрихтскими правилами, — поясняет Ведер ди Мауро. — Это специальный счет исправления ошибок, который должен быть сбалансирован. Если бюджетный дефицит оказывается выше, чем ожидалось, он дебетуется на этот счет исправления ошибок, который подлежит балансировке отдельно. Непредвиденный бюджетный профицит также должен перечисляться на этот счет. Швейцарцы приняли такой механизм в 2003 году». Он вводит в систему элемент «памяти». «Ни одни из известных мне бюджетных правил не содержат памяти. Они всегда предусматривают, что если вы завысили прогноз дохода в прошлом, и теперь у вас дефицит выше, чем ожидалось, вам не нужно в первую очередь устранивать эту проблему — даже Маастрихтский договор не требует этого. В некотором смысле эти правила поощряют жизнь по принципу «сидя на диете завтра», — говорит Ведер ди Мауро. — Вместе с тем, имея счет исправления ошибок, вы не можете просто снова начать с чистой страницы. Нужно устраниить уже нанесенный ущерб. Наличие памяти в системе создает стимулы для консервативной оценки дохода и жесткого ограничения расходов».

Однако насколько восприимчивыми окажутся немецкие бюджетные традиционалисты к более жестким принципам дисциплины, привнесенным из другой страны? И нет ли риска того, что Ведер ди Мауро, которая родилась в Швейцарии и говорит на семи языках, будет рассматриваться как некий иностранный агент среди «пяти мудрых людей», выступающих за иностранные решения внутренней проблемы? «То, что у меня швейцарское и итальянское гражданство, никогда не вызывало проблем», — отмечает она.

Хотя профессиональная деятельность Ведер ди Мауро в последнее время в основном посвящена европейским и, все в большей степени, финансовым вопросам, полученное ею воспитание и образование хорошо подготовили ее к изучению предыдущей сферы интересов — макроэкономических аспектов роста и развития. Она выросла в Гватемале, где ее отец работал в качестве сотрудника швейцарской транснациональной компании. В течение девяти лет Ведер ди Мауро ходила в немецкую школу в Гватемала-сити, где повседневная жизнь оставила впечатления, которыми она руководствовалась в своей последующей работе. Например, ее практические знания и опыт жизни в Латинской Америке заложили основу для последующего интереса к роли институтов в содействии экономическому росту.

«Понимание институтов и институциональных различий пришло во многом благодаря моему опыту жизни в Гватемале и было углублено в результате совместного ис-

следовательского проекта с перуанским *Instituto de Libertad y Democracia* Эрнандо де Сото (очерк о нем был опубликован в декабрьском номере «Ф&Р» 2003 года), — говорит Ведер ди Мауро. — В этом проекте было проведено изучение препятствий для малых предприятий в Латинской Америке и выяснилось, что во многих странах меры, обеспечивающие соблюдение правил, часто не пользуются доверием, что ограничивает возможности для предпринимательства и обмена. Это в особенности касается финансирования — в результате процветает неофициальный финансовый сектор».

Роль банков

Вернувшись в Швейцарию, Ведер ди Мауро завершила свое образование в Базельском университете; она также работала референтом-исследователем и ассистентом преподавателя в университете. «В прошлом у меня, по существу, было две главные области интересов и исследований, — размышляет она. «Одной из них были вопросы роста и развития: как заставить институты работать, чтобы они способствовали экономическому росту. Вторая главная область касается распространения финансовых кризисов и, в частности, роли банков. Сейчас складывается третья область: когда я была назначена членом Совета Германии, я постаралась переориентировать свою научную работу на вопросы, более актуальные для Германии, чтобы использовать эффект синергии». В настоящее время сфера ее научных интересов включает воздействие реальных обменных курсов на потоки занятости в условиях негибкого рынка труда и влияние государственных банков на перераспределение капитала.

Именно вторая область интересов побудила Ведер ди Мауро в 1994 году избрать в качестве первого места своей оплачиваемой работы МВФ в Вашингтоне. В период работы в МВФ она взяла отпуск, чтобы участвовать в подгото-

Вставка 2

Еще один канал распространения кризисов

В своей новаторской статье 2001 года в журнале *Journal of International Economics* Ведер ди Мауро и Каролин ван Рейкегем указали косвенный канал распространения кризисов между странами, имевшими дело с одними и теми же банками. Имеются свидетельства того, что одной из причин такого распространения могут быть вторичные эффекты, распространяющиеся через банковские кредиты, в отличие от торговых связей и характеристик стран.

Если банки следовали идентичной модели риска, то кризис в одной стране мог передаваться на другую страну вследствие одновременного отзыва банковских кредитных линий. Выводы Ведер ди Мауро, возможно, ставят ее в один ряд с критиками новой системы нормативов достаточности капитала для банков, который в настоящее время постепенно вводят примерно 100 стран.

Новая система, известная как «Базель II», поскольку она является преемником системы «Базель I» 1988 года, разработанной Банком международных расчетов в Базеле (Швейцария), все более широко применяется органами банковского регулирования. Она устанавливает глобальный стандарт размера капитала, который необходимо иметь банкам в качестве резервных ресурсов для покрытия потенциальных рисков в своем финансировании и операциях.

Критики говорят, что система «Базель II» носит проциклический характер, то есть устанавливает слишком либеральные требования к достаточности капитала банков в благоприятные периоды и слишком жесткие в трудные времена, тем самым усугубляя циклы подъемов и спадов. Эти скептики считают, что «Базель II» может приводить к массовому перетоку операций банков на рынки и с рынков и со временем может создать системный риск (см. статьи на эту же тему в номере «Ф&Р» за июнь 2008 года).

товке «Доклада о мировом развитии» Всемирного банка за 1997 год. «Поворотным моментом было наше обследование, в котором мы проводили наблюдение фирм и выясняли их мнение об условиях ведения бизнеса, — вспоминает Ведер ди Мауро. «Этот новаторский подход к проведению обследований (разработанный совместно с Кисунко и Аймо Бруннетти) впоследствии стал частью основного направления исследований, и были разработаны значительно более совершенные методы с учетом институциональных вопросов», — говорит она.

«Очень простой вопрос»

Исследования Ведер ди Мауро в Вашингтоне привели ее от институтов и управления к более острой и противоречивой теме: коррупции. В работе, написанной в соавторстве с Альберто Алесиной из Гарвардского университета, Ведер ди Мауро с характерной прямотой спрашивает: «Получают ли коррумпированные правительства меньше иностранной помощи?»

«Мы задали очень простой вопрос, — вспоминает она. — Имеются ли какие-либо свидетельства того, что в прошлом при распределении помощи учитывались различия между странами по уровню коррупции?» В то время ответ на этот вопрос был отрицательным. Теперь уже широко признается, что коррупция является препятствием для роста и, следовательно, системы развития должны уделять ей намного большего внимания».

Алесина говорит, что эта работа была характерным примером подхода Ведер ди Мауро к проведению исследований: «Одной из ее сильных сторон является творческий анализ важных и актуальных, а не заумных вопросов, но в то же время с весьма новой точки зрения. Этот вопрос оставался на повестке дня, и пришло время рассмотреть его в рамках проходившей в то время дискуссии о том, достигала ли иностранная помощь поставленных целей или же она расходовалась впустую». Алесина считает, что способности Ведер ди Мауро хорошо вписываются в деятельность Совета экспертов Германии: «Она смело и безотлагательно берется за решение проблем».

Изучая вопросы управления, Ведер ди Мауро также два года работала научным сотрудником в Университете ООН в Токио. Ее пребывание в Японии в 1997–1998 годах совпало с Азиатским финансовым кризисом и положило начало новой сфере ее интересов: изучению роли банков в распространении финансовых кризисов. Ей помогло то, что в результате своих предыдущих исследований по проблемам управления и потоков помощи она стала инстинктивно скептически относиться к традиционным представлениям.

При всяком крупном финансовом кризисе, как представляется, прежде всего и чаще всего задают вопросы: «Как это могло произойти?» и «Как случилось, что (указать виновного) не был к этому готов?» Ведер ди Мауро вспоминает, что именно эти вопросы были темой оживленных обсуждений в академических кругах Токио в 1998 году, и сегодня она слышит странные отголоски таких же вопросов в связи с последствиями проблем непервоклассных ипотечных кредитов в США.

Десять лет назад в Токио «в числе причин этой цепной реакции называли торговлю, причем не только прямую торговлю, но и воздействие на третью рынки. В то время мне это показалось необоснованным. Поэтому мы начали смотреть, какую роль может играть финансирование в распространении кризисов. В тот период банки были основным источником финансирования для многих стран, затронутых азиатским кризисом, и по некоторым неофициальным сведениям, возможно, именно банки послужили проводниками цепной реакции, реагируя на убытки в одной стране путем сокращения кредитов в другой стране».

По словам Ведер ди Мауро, необходимо будет тщательно отслеживать внедрение новых стандартов достаточности капитала «Базель II» для банков (см. вставку 2): «Если «Базель II» будет включать системы управления риском, реагирующие на

цены и рейтинг и меняющиеся в циклическом порядке, то теоретически это может повысить процикличность. Однако главный вопрос, на мой взгляд, носит эмпирический характер: обязательны ли нормативы капитала или является ли экономический капитал банков строгим ограничением? И если нормативный капитал действительно является обязательным, то какова степень его воздействия на кредиты?»

Она участвовала в проекте по моделированию воздействия системы «Базель II» на кредитование формирующихся рынков немецкими банками, который показал, что этот эффект, скорее всего, будет минимальным, поскольку банки, по-видимому, уже сейчас распределяют кредиты на основе экономического капитала. После работы в Японии Ведер ди Мауро в 2001 году пришла на свою нынешнюю должность — профессора международной макроэкономики в Майнцском университете в Германии.

Взаимное обучение

В первый раз Ведер ди Мауро была назначена членом Совета экономических экспертов Германии на оставшийся срок Академии Вебера, который перешел на должность главы Бундесбанка. Ее не смущали ни объем работы, ни ее публичный характер, и в прошлом году она уже была назначена членом Совета на новый полный пятилетний срок. Пристальное внимание прессы никогда не мешало ей, отчасти благодаря ее знакомству с работой журналистов. В Базельском университете она и несколько ее коллег-преподавателей вели курсы подготовки по основам экономики для журналистов. Этот учебный процесс был обиходовым: «писаки» знакомились с понятиями инфляции, дезинфляции, дефляции и стагфляции, а Ведер ди Мауро и ее коллеги-«счетоводы» узнавали о заголовках, сроках сдачи материала, ссылках на авторов и контрольных оттисках и набирались опыта объяснения сложных экономических идей более широкой аудитории.

Означает ли сам факт разработки курса экономики для журналистов, что, по ее мнению, четвертое сословие особенно слабо разбирается в вопросах «унылой науки»? «Я бы не сказала, что это касается только журналистов, — говорит она. — Всем может быть полезно некоторое введение в основы экономики — в этом одна из функций такого органа, как наш совет. Если люди к нам не прислушиваются, в этом наша, а не их вина». ■

Саймон Уилсон — старший редактор журнала «Финансы и развитие».

Литература

Roberts, Charles C., 1979, “Economic Theory and Policy Making in West Germany: The Role of the Council of Economic Experts,” Cambridge Journal of Economics, Vol. 3, pp. 83–89.

Weder di Mauro, Beatrice, and Alberto Alesina, 2002, “Do Corrupt Governments Receive Less Foreign Aid?” American Economic Review, Vol. 92, pp. 1126–37.

Weder di Mauro, Beatrice, Aymo Brunetti, and Gregory Kisunko, 1998, “Credibility of Rules and Economic Growth: Evidence from a Worldwide Survey of the Private Sector,” World Bank Economic Review, Vol. 12, pp. 353–84.

Weder di Mauro, Beatrice, Thilo Liebig, Daniel Porath, and Michael Wedow, 2007, “Effects of Basel II on German Bank Lending to Emerging Markets,” Journal of Banking and Finance, Vol. 31, pp. 401–18.

Weder di Mauro, Beatrice, and Caroline Van Rijckeghem, 2001, “Sources of Contagion: Is It Finance or Trade?” Journal of International Economics, Vol. 54, pp. 293–308.

———, 2003, “Spillovers through Banking Centers: A Panel Data Analysis,” Journal of International Money and Finance, Vol. 22, pp. 483–509.